

УДК 821.14

А. А. Савенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Человек и Мир: поэтическая антропология К. Кавафиса и Й. Сефериса

Савенко А. О. Людина та Світ: поетична антропология К. Кавафиса та Й. Сефериса. У статті здійснено спробу аналізу творчості двох грецьких поетів, К. Кавафиса та Й. Сефериса, як двох антропологічних проєктів, кожен з яких конструє художній простір у такий спосіб, що відображає ймовірно ставлення людини, яка уособлює узагальнений культурний та суспільний досвід, пропущений крізь призму авторської поетики, до власної історичної та культурної традиції. У творчості К. Кавафиса людина презентована в постійному становленні, що пояснює тенденцію показати людський досвід як відкриту систему координат. Поетика Й. Сефериса конструє концепт ЛЮДИНА як закрити, жорстко детерміновану систему, розвиток якої можлива лише за умови чіткої реалізації виключеного третього, що передбачає орієнтацію на попередньо задану аксіологічну модель.

Ключові слова: поетична антропология, грецька поезія, К. Кавафис, Й. Сеферис.

Савенко А. А. Человек и Мир: поэтическая антропология К. Кавафиса и Й. Сефериса. В статье представлена попытка анализа творчества двух греческих поэтов, К. Кавафиса и Й. Сефериса, как двух антропологических проєктов, каждый из которых конструирует художественное пространство так, чтобы отразить в нем возможное отношение человека как олицетворения обобщенного культурного и социального опыта к собственной истории и культурной традиции. В творчестве К. Кавафиса человек представлен в непрерывном становлении, что объясняет тенденцию изобразить человеческий опыт как открытую систему координат. Поэтика Й. Сефериса конструирует концепт ЧЕЛОВЕКА как закрытую, жестко детерминированную систему, развитие которой возможно только при условии четкой реализации принципа исключенного третьего, что предполагает ориентацию на предварительно заданную аксиологическую модель.

Ключевые слова: поэтическая антропология, греческая поэзия, К. Кавафис, Й. Сеферис.

Savenko A.O. A Man and the World: the poetic anthropology of K. Kavafis and G. Seferis. The article is an attempt to analyze the poetry of two famous Greek poets, K.Kavafis and G.Seferis as anthropological projects whose textual space is designed to present two different types of human cognition with regard to history and cultural tradition. Being a peculiar incarnation of cultural and social histories, a MAN appears as a person in progress in Kavafis' poetry; hence the author's tendency to picture a human experience as an open coordinate system. An important principle unifying the poetry of K. Kavafis, which arises from the principled fragmentation of his poetic world, can be formulated as follows: the essence of a person always has a potential dimension, part of our nature, which manifests itself in the current situation, is oriented towards the future and such an orientation has an ontological status. A person has a unique openness to the world and it causes the poet's main attention. First of all, because such openness in the transition from the world of nature to the world of society becomes the object of claims, produced by different institutions created by man, but at the same time, that control him, often depriving him of the right to be himself, attempting on his bodily completeness and spiritual integrity. Kavafis' poetry with the help of a complex structure of artistic time and the art of hinting creates a mechanism for "re-opening a person"-in progress. We can suggest that Kavafis constructs his hero's image in a photographic manner, where the historical figures, circumstances, actions and generally the whole historical knowledge as a discourse prepare the frame for poetic camera to make a 3-D picture that binds contemporary mode of reader's existence with panchronic dimension of the text. On the contrary, the poetics of G.Seferis, who was both Kavafis' literary competitor and artistic heir, suggests a concept of a MAN as a closed and strictly determined system that can evolve only if the law of excluded middle is applied; therefore, in terms of a human being's actions and experiences, its intent is on a predefined axiological model. Poet's aim in the anthropological sense is not so much the creation or change of the potential identities of man, but rather the search for certain unchangeable principles that constitute the essence of human existence, but are outside the person himself. At different stages of the poet's work this principle can be presented as: the Greeks as a cultural community; Greece as the materialization of ethical principles; the soul as an immortal part of a person, creating its integrity and immutability, counteracting its body as unstable and unstable. As in a movie, persona of Seferis' poetry acts like an actor in accordance with the instructions taken from the movie director that turns our views from the hero himself to the author's intentions which explains the effect of masking the heroes using often by G. Seferis.

Keywords: poetic anthropology, Greek poetry, K. Kavafis, G. Seferis.

Во все времена проблема человека была центральной для художественного творчества в первую очередь потому, что в творчестве, как в самом процессе, так и его сопереживании, человек может приблизиться к истокам своего сознания и бытия, «познать самого себя», выработать некое личностное отношение к миру, которое будет проявляться в иных индивидуальных или коллективных практиках. Опыт поэтического творчества, независимо от степени причастности к нему, выбранной человеком, выполняет важную

роль контекстуализации человека, включение его в некие контексты, пределы которых выходят за границы его индивидуального существования. С ограниченностью своего бытия человек сталкивается с первых секунд появления на свет; мир внешний предстает перед ним формой, которой нужно овладеть. Постепенное развитие, взаимодействие с подобными себе, социализация приводят человека к осознанию того, что мир внутренний имеет такую же формальную выраженность, которую мы пытаемся захватить в акте преимущественно самопознания. Таким образом, одной из задач художественного текста

является предоставление человеку глубинного опыта овладения формой, собственной и чужой, присутствующей и отсутствующей, что в дальнейшем создаст фундамент для многих умений: отбирать необходимое, принимать решение, воплощать в действительности представленное в уме и т. д. Такую мысль предельно точно высказала О. Седакова, согласно которой «переживание формы как глубочайшая человеческая активность. Чем переживается форма? Явно не разумом в узком понимании. Явно не эмоциями в бытовом понимании. Слишком активное присутствие и того, и другого мы различаем как дефект формы, как то, что не дает ей вполне стать, совершиться: как нечто слишком «человеческое» или «рукотворное». Эта фундаментальная, простая и только задним числом анализируемая потребность в форме, способность к форме, наслаждение формой и мучение бесформенности ставит самый общий вопрос о составе человека: может быть, даже о его соматическом составе» [3].

Задание этой статьи – рассмотреть творчество К. Кавафиса и Й. Сефериса с точки зрения поэтического антропологического проекта, попытаться обозначить их ключевые позиции и рассмотреть как в определенном смысле взаимную оппозицию, исходя из утверждения Н. Вагенаса, что К. Кавафис был одним из главных факторов влияния на становление поэтического метода Й. Сефериса и последний боролся с этим фактором всю свою жизнь [7:245]. Одним из свидетельств такой борьбы является замечательное эссе поэта «К. Кавафис и Т. С. Элиот: параллельные» [11: 324–364].

Рассматривая творчество К. Кавафиса и Й. Сефериса (ссылки на произведения авторов по изданиям [9], [12]) как поэтически выраженные антропологические проекты, в первую очередь следует определить их возможные цели и систему, с помощью которой такие цели могут стать достижимыми.

В поэзии К. Кавафиса человек представлен в непрестанном становлении своего отношения к обстоятельствам собственной жизни. Его лирический герой обычно привязан к определенному событийному полю, заданному либо временными, либо пространственными рамками. Он предстает перед читателем как человек, схваченный в преддверии действия, за секунду до действия или отказа от него. Поэтическая ситуация, чаще всего представленная в текстах Александрийца, связана с моментом перехода от мыслей к действиям, слияния внутреннего мира, формирующего сущность человека, с внешним миром, задающим условия возможности или невозможности ее реализации. За такой трансформацией наблюдает

(преимущественно) автор, сам пребывая в разных позициях, что обуславливает различное функционирование текстовой фокализации, влияющей на восприятие текста читателем. Кавафисианский человек в определенном смысле предстает как человек «чистого листа»; он волен поступать так, как считает нужным, иллюзорно выпадая из широкого контекста. Подобная иллюзия человеческой самодостаточности лежит в основе напряженности поэтического слова К. Кавафиса, полярность которого (в первую очередь, шкала «поэтическое/общеупотребимое») и порождает его «ироническую речь» [8]. Человек не самодостаточен, он слаб и зависим, он предсказуем («σοφοί δε προσιόντων αισθάνονται», напоминает К. Кавафис, цитируя Флавия Филострата («А мудрецы – предстоящее»)), с древних времен его уверенность в собственных силах превращается в *ύβρις*, но одновременно со всем этим, а с высоты исторической действительности, вопреки всему этому, он – уникален. Уникален самой возможностью принимать решения, отказываться от поступков, вынашивать планы и терпеть поражения. Подобное утверждение, если применять его к отдельному тексту, может служить основанием для обоснования пессимистического отношения К. Кавафиса к жизни, бегства от реальности в неприкосновенный мир прошлого, часто звучащие в исследованиях, посвященных его поэзии. Но если рассмотреть его на полотне всего творчества поэта, не сложно заметить, что такие частные случаи объединяются общим основанием: сущность человека всегда обладает потенциальным измерением, часть нашего естества, что проявляет себя в текущей ситуации, ориентирована на будущее и подобная ориентированность имеет онтологический статус. Не случайно такая мысль звучит в последнем стихотворении цикла «признанных» поэзий: *βῆκαμ' εμεῖς/ ἑλληνικὸς καινοῦριος κόσμος, μέγας* («В 200 году до н.э.»). Возможность «большого греческого мира» равно заложена как в решительности Александра, победах македонцев, так и в отказе спартанцев и поражении персов. Более того, «судьбоносные события», которым мы привыкли придавать так много значения, являются результатом произвольного стечения обстоятельств, сценой, за которой происходит реальная жизнь, процессы, формирующие общество – истинный объект поэтики К. Кавафиса.

Уникальность человека в его субъективности, в том, что в даже в самой абсурдной деятельности он будет познавать мир, а значит – заполнять свой чистый лист бумаги, оставляя его для других, которые, если обстоятельства того требуют («καθὼς ποὺ τὸ ἀπαιτῶν ἢ περιστάσεις»), смогут прочесть его. В самых немислимых обстоятельствах человек сохраняет

возможность обратиться к другому человеку, даже если в конечном итоге этим «другим» окажется он сам. Человек обладает уникальной открытостью миру и именно она вызывает пристальное внимание поэта. В первую очередь из-за того, что такая открытость при переходе из вещественного мира (природы) в мир субъектный (общество) становится предметом притязаний чего-то, зависящего от человека и одновременно пребывающего вне его, например, традиции или какого-нибудь общественного института, того, что в контексте общественного бытия обретает право обращаться к человеку от его же собственного имени, зачастую лишая его права быть самим собой, покушаясь на его телесную полноту и духовную целостность. Человек включает себя в пространство, используя свое тело и его опыт взаимодействия с другими телами; для включения себя во временной континуум человеку нужно увидеть связь фрагментов собственного бытия, рассказать это как историю себе и другим. Это достаточно опасная практика, потому что, рассказывая историю, мы поддаемся соблазну ее мысленно переиграть, «вспомнить» несуществующее, «забыть» что-то малозначительное с нашей теперешней точки зрения. Кроме того, мы можем считать, что историю рассказывает наш голос, тогда как на самом деле за нас может говорить нечто внешнее, например, общественное мнение. Включенность в определенное общество предполагает овладение человеком искусства компромисса, один из любимых, по мнению Д. Холтона, сюжетов К. Кавафиса, «самообман» [4]. Проблема «самообмана» прямо связана с центральной темой поэзии К. Кавафиса – познаваемостью мира и истинности знания. Одно из решений, предлагаемых поэтом, состоит не столько в том, чтобы определить предел нашего познания или мерилу истинности, сколько создать условия для поддержания критического восприятия любой познавательной деятельности, опирающегося на соединение интеллектуальной беспристрастности с пристрастностью чувственной, результатом которого стала бы легитимизация постоянного осознанного экспериментирования человека со своей идентичностью. Именно поэтому, на наш взгляд, К. Кавафис, несмотря на высокую плотность поэтической материи своего текста, создает впечатление его недосказанности, незавершенности, приглашая читателя рассмотреть возможные варианты его завершения, выйти за пределы текстуального конструкта и обнаружить возможную связь с конкретным моментом своего существования, убедительно показанную Й. Сеферисом в вышеупомянутом эссе. Одним из эффектов такой открытости поэтического текста и его персонажей является развитие особенной чувствительности человека в вопросах его

коллективной идентичности, поисков путей приобщения к определенному коллективу. По словам Я. Сараянниса, путь К. Кавафиса был сложным путешествием от индивидуального Я к коллективному Мы [10]. Именно коллективное пространство, несмотря на все ограничения, налагаемые им на личность, является пространством интеракции, где сталкиваются мнения и интересы («Юлиан и антиохийцы», «Мирикс; Александрия, 340 н.э.», «Большое шествие священников и мирян»), принимаются правильные решения и совершаются ошибки, создаются и разрушаются мировоззренческие модели («В большой греческой колонии, в 200 году до н.э.», «В 200 году до н.э.», «Когда б мы позаботились»).

Антропологический проект Й. Сефериса в определенных позициях полемирует с концепцией человека у К. Кавафиса. Для Й. Сефериса целью человека является не столько создание или варьирование (отказ от) собственных идентичностей, сколько поиск неких неизменных начал, составляющих сущность человеческого бытия, но находящихся вне самого человека. На разных этапах творчества поэта таким началом могут выступать греки как культурное сообщество (*ελληνισμός*); Греция как материализация этических принципов; душа как бессмертная часть человека, создающая его целостность и неизменность, противопоставленная его телу как изменчивому и непостоянному. Человек, по мнению поэта, обязан вернуться к утраченным первоосновам, обрести личностное переживание собственной предыстории (одним из самых устойчивых мотивов поэзии Й. Сефериса является мотив возвращения, в том числе, возвращение в мир детства, например, в поэзии «Возвращение путешественника», «Бортовой журнал, II»). На этом пути человеку предстоит преодолеть много препятствий, в основе которых лежит, как правило, не критическое отношение к традиции, которая либо отвергается, либо безапелляционно принимается, хотя сам путь устремлен в первую очередь к ней (с достаточной четкостью эта идея представлена в сборнике «Мифосказ»). Апелляция к ценностям, находящимся вне человека, определяет использование Й. Сеферисом модернистской трактовки мифа как поиска пути к коллективному бессознательному, которое может минимизировать разрушительное воздействие на мир разума и возобновить гармоническое взаимодействие с ним человека. Кроме того, изначально поэта интересует не отношения мира и некоего «абстрактного человека», а конкретной группы людей, к которой принадлежит сам поэт, объединенной названием «греки». Поэт ощущает, что «греческость» в современном мире является понятием, утрачивающим свой смысл. Современные греки все дальше отходят от органического развития

собственной культурной традиции, впрочем, по мнению поэта, к нему всегда возможно вернуться, либо найти новый путь, выводящий к органическому началу. Этот путь, в определенном смысле, является противоположностью кавафисианского пути: от коллективного Мы («Мифосказ»: *Τον άγγελο/ τον περιμέναμε προσηλωμένοι τρία χρόνια/ κοιτάζοντας πολύ κοντά/τα πέδικα το γιαλό και τ' άστρα* (A')) к индивидуальному Я («Три тайные поэмы»: *Τ' άσπρο χαρτί σκληρός καθρέφτης επιστρέφει μόνο εκείνο που ήσουν* («Θερινό Ηλιοστάσι, Η»)). От элладоцентризма Й. Сеферис двигается к антропоцентризму. Если сопоставить позицию Й. Сефериса с концепцией К. Кавафиса, идея органического начала является прямо противоположной его антропологии. В поэзии К. Кавафиса «греки» предстают как неоднородная общность, которую формируют центробежные и центростремительные силы истории (собственно одной из таких сил является она сама, равно как и другие общности). Эта общность вырабатывает определенный культурный код (язык, в первую очередь, именно его греки доносят до Бактрии и берегов Инда («В 200 году до н.э.»: *Και την Κοινήν Ελληνική Λαλιά/ ώς μέσα στην Βακτριανή την πήγαμεν, ώς τους Ινδούς*), мировоззрение, ценности), особенностью которого является постоянная интеллектуальная непредвзятость, умение удивляться и удивлять. При такой постановке вопроса тезис о существовании какого-то неизменного набора ценностей выглядел бы странно. Более того, К. Кавафис показывает, что именно в ситуации чрезмерного выделения определенных «характерных» черт общество оказывается в ситуациях, грозящих катастрофой (неслучайно первым шагом на пути к гибели таких персонажей, как Деметрий Сотер или Аристокл, является упоминание ими своего «права на», основанного на «принадлежности к»). То, что, по мнению К. Кавафиса, является ошибками, на которых нужно учиться, в интерпретации Й. Сефериса часто предстает истинами, которые необходимо найти. Это определяет и своеобразие иллокутивности кавафисианского и сеферисовского текстов. Текст Й. Сефериса «затягивает» читателя в свою орбиту с помощью кругообразного движения по архетипным схемам: путешествие-инициация, эпифания-очищение, вследствие чего читатель по-новому «открывает» себя через формирование собственного отношения к вечным вопросам. Кавафисианский текст, часто используя похожую схематичность, не просто воссоздает архетипность схемы, но трансформирует ее, дополняя неизвестными составляющими. Читатель кавафисианского текста должен не просто заполнить по своему усмотрению недостающие элементы (историзм и архивность К. Кавафиса), но использовать текст для того,

чтобы попробовать рассмотреть собственную экзистенциальную ситуацию (как в упомянутом эссе Й. Сефериса). В принципе, «зеркальностью» обладает любой поэтический текст, особенностью же текста К. Кавафиса, по нашему мнению, является то, что он не навязывает читателю определенный способ видения ситуации, а предлагает эксперимент с разными способами познания себя, правила которого волен установить сам читатель (ср., например, возможность амбивалентного прочтения поэзии «Фермопилы» [2]).

Одним из маркеров различия подходов в создании образа человека в поэтическом тексте можно считать принципы введения человека в пространственно-временной континуум текста, основанные на конструировании концепта ЧЕЛОВЕК каждым из авторов. Для модернистов вопрос целостности и самодостаточности человека как в контексте общества, так и бытия вообще является одной из центральных проблем онтологического характера и постоянно присутствующей темой. Для поэтики К. Кавафиса и Й. Сефериса характерен прием рассеивания субъекта речи, создающий эффект деперсонализации, выполняющий, впрочем, различные прагматические задачи в тексте каждого автора. Целью деперсонализации лирического героя Й. Сефериса (например, Ореста из сборника «Мифосказ», Эльпенора из поэмы «Кихли» [1]) является создание у читателя ощущения экзистенциальной тревоги, истоки которой кроются в разломе его собственного мироощущения: опыт существования человека в обществе – это опыт отчуждения, отторжения и одиночества; лирический герой скрывается под маской (поэзия в прозе «Нижинский» из сборника «Тетрадь для упражнений, I» или «Асинский царь» («Бортовой журнал, I»)) с первоначальной целью защитить свою приватность, но в результате сам превращается в маску, симулякр личности (теряет себя); вернуть жизнь в имитацию жизни может искусство, если оно найдет путь к упомянутым выше органическим истокам бытия, а соучастник творческого процесса – в себе решимость следовать по этому пути. В определенном смысле поэзия Й. Сефериса достаточно четко описывает невротические состояния как основной способ существования человека XX ст. и прямое следствие разрушительных социальных процессов и невозможности разрешения большинства конфликтов, исходя из аксиологических координат современного ему общества. Именно поэтому одним из наиболее частотных мотивов в его творчестве является мотив кругового движения, бесцельного путешествия как разновидность навязчивого состояния, в которое отправляются безыменные персонажи «Мифосказа», персонажи-

маски Стратис Мореход и Маттиас Пасхалис для того, чтобы убедиться в очередной раз в том, что конечного пункта следования не существует и что «одно море за собой ведет другое море». Именно поэтому лирический герой его произведений предстает в достаточно близком собирательном образе «Мы», «Вы», «Они», а в последнем прижизненном сборнике «Три тайные поэмы» вообще вытесняется аперсональным миром, изживающим из себя клубок проблем и безысходности под названием человек, а единственным возможным собеседником становится израненное Альтер-эго поэта, адресат, к которому поэт обращается с кратчайшей дистанции (главная категория 2-ого лица).

К. Кавафис использует прием рассеивания субъекта речи с целью восстановления его целостности и приватности. Это отчетливо видно на примере его гомозротической лирики, в которой на уровне текста амбивалентность гендера лирического героя создается с помощью стилистических фигур умолчания («Клянется»: *...στην ίδια/ μοιραία χαρά, χαμένος, ξαναπηγαίνει*; «На улице»: *...ακόμη σαν υπνωτισμένος απ' την άνομη ηδονή/... που απέκτησε*), принципов метонимической денотации, которая выводит за пределы внимания такое важное в контексте эротической лирики качество, как пол («Однажды ночью»: *Κ' εκεί στο λαϊκό, το ταπεινό κρεββάτι/ είχα το σώμα του έρωτος...*; «Вспомни, тело»: *Σώμα, θυμήσου όχι μόνο το πόσο αγαπήθηκες*; «Далеко»: *Μόλις θυμούμαι πια τα μάτια: ήσαν, θαρρώ, μαβιά...*) и характерного для новогреческого не различия рода при употреблении глагола в грамматических нарративных конструкциях, а также правила приоритета грамматического мужского рода в именных предикатах (1) «В отчаянье»: *...στην ένωση με κάθε/ καινούριον εραστή ζητεί να πλανηθεί/ πως είναι ο ίδιος νέος, πως δίδεται σ' εκείνον* (интересно наблюдение Э. Уайльдман-Вейд о возможности двоякой интерпретации субъекта в придаточном предложении *πως είναι ο ίδιος νέος* – автореференция субъекта речи и адресация к объекту воспоминания [6:27]), (2) «Остаться»: *Μα κιόλας/ είχαμεν εξαφθεί τόσο πολύ,/ που γίναμε ακατάλληλοι για προφυλάξεις*. Впрочем, к опущению отвечающих за физический род местоимений или онимов автор прибегает редко, обычно используя обобщающее свойство категории персональности во множественном лице: «Вечером»: *...σε τι εξαίσια κλίνην επλαγιάσαμε,/ σε τι ηδονή τα σώματά μας δώσαμε...* В результате комплексного анализа произведения К. Кавафиса, не составляет труда убедиться в том, что поэт в свои последние годы отказывается от практики сокрытия гендерных особенностей действующих лиц произведения и прямо декларирует одинаковость их физического пола, что может, по мнению Д. Папаниколау,

рассматриваться в контексте эмансипационной практики каминг-аута [5].

Если применить аналогию из сферы фотографии, протагонист кавафианского текста всегда находится в пределах «поэтического объектива». Поэт может экспериментировать с ракурсами, приближенностью и удаленностью. Смена ракурса («Владыка Западной Ливии»: *...Глубокомысленным – увы! – он не был; «Сражавшимся за Ахейский Союз»: ...Написано ахейцем в Александрии...*) может означать переход поэта из пространственной рамки, привязывающей поэтическое высказывание к некой локативности, в пределы темпоральности, позволяющей преодолевать ограниченность пространства, окидывать взором пространственно обусловленные ситуации в диахронии (представлять череду исторических событий, образующих временной порядок, как некое пространственное построение). В тексте для реализации такого приема поэт часто пользуется визуализацией отношения разрыва или перехода, отделяя части произведения пустой строкой. Другой способ визуализации перехода – вертикальное разъединение строк – по мнению Э. Уайльдман-Вейд, подчеркивает взаимопроникновения и стремление соединиться в единое целое физически и социально разделенных персонажей, как в поэзии «В отчаянье», конструируемое поэтом на уровне синтаксиса (визуализированный разрыв синтаксически сращенного целого в пределах предложения) [6:26–27]. Таким образом, размывание субъекта в поэзии К. Кавафиса преследует цель сохранения и защиты его идентичности, отпора посягательствам на него внешнего мира. Подобное сокрытие лишь подчеркивает уникальность и целостность лирического героя поэзии так же, как это выражает в «исторических» поэзиях ситуация выбора.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать предварительный вывод об антропологических аспектах поэтик К. Кавафиса и Й. Сефериса. В поэтике К. Кавафиса с помощью концепта ЧЕЛОВЕК конструируется представление о личности как поле постоянного эксперимента, одним из существенных принципов функционирования которого является адаптивность и открытость, что ведет к множественным и вариативным конфигурациям, которые могут сосуществовать и не несут в себе взаимоисключающих условий. Поэтика Й. Сефериса конструирует концепт ЧЕЛОВЕК как закрытую, жестко детерминированную систему, развитие которой возможно только при условии четкой реализации принципа исключенного третьего, что предполагает ориентацию на предварительно заданную аксиологическую модель. Отдельным вопросом, требующим дальнейшего изучения, является то, каким образом

поэтики К. Кавафиса и Й. Сефериса структурируют опыт, переводимый в пространство художественного текста, в том числе, преодолевают тиранию его частного характера, что придает их произведениям философское звучание. У К. Кавафиса открытость личности, представление о личности как конструктивистском проекте

текстуально выражается в применении тактик (само)иронии, тогда как одним из центральных техник поэтики Й. Сефериса является сарказм, с помощью которого поэт вскрывает противоречия и указывает на изъяны, пробуждая ту же работу критического восприятия, к которой также стремится текст К. Кавафиса.

Литература

1. Савенко А. О. «Орест розвтілений»: нотатки до інтерпретації образу в збірці «Міт-історія» Й. Сефериса // Мовні й концептуальні картини світу. – К. : Видавничий дім Д. Бурого, 2012. – Вип.39. – С.251–258.
2. Савенко А. О. Іронічний підтекст поезії К.П.Кавафиса: перекладацькі стратегії відтворення // Грецька громада Ніжина: історія та сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 360-тій річниці універсалу гетьмана Богдана Хмельницького, наданого ніжинським грекам, 330-тій річниці заснування Ніжинського грецького братства та 200-тій річниці відкриття Ніжинського грецького Олександрівського училища / упор. О.С.Морозов; відп. за вип. Л.О. Зайко. – Ніжин : Видавець ПП Лисенко М.М., 2017. – С. 178–187.
3. Седакова О. А. Поэзия и антропология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/159> (дата обращения: 20.11.2015).
4. Holton, David Cavafy and the Art of Self-Deception // *Modern Greek Studies Yearbook*, University of Minnesota, vol.5, 1989. – P. 143–162.
5. Papanikolau, Dimitris «Words that tell and hide»: Revisiting C. P. Cavafy's Closets // *Journal of Modern Greek Studies*, Volume 23, 2005. – P. 235–260.
6. Wildman Wade, Elizabeth Beyond Biography: Cavafy's Homoeroticism in Translation // «C. P. Cavafy: The Typography of Desire»/ Final Papers from Professor Karen Van Dyck's course on Cavafy at Columbia University. Cavafy Forum, Window to Greek Culture: University of Michigan Department of Modern Greek. June 2009. – P. 24–37.
7. Βαγενάς, Νάσος Ο ποιητής κι ο χορευτής/ μια εξέταση της ποιητικής και της ποίησης του Σεφέρη. – Αθήνα: Κέδρος, 1979. – 348 σ.
8. Βαγενάς, Νάσος Η ειρωνική γλώσσα // Εισαγωγή στην ποίηση του Καβάφη. – Ηράκλειο, 1999. – Σ. 347–358.
9. Καβάφης, Κ. Άπαντα ποιητικά. – Αθ. : Ύψιλον/ Βιβλία, 1990. – 359 σ.
10. Σαρεγιάννης, Ι. Α. Ο Καβάφης άνθρωπος του πλήθους. [Электронный ресурс]. URL: <http://cavafis.compupress.gr/sare.htm> (дата обращения: 20.11.2015).
11. Σεφέρης, Γιώργιος Δοκίμης. – Αθ. : Ίκαρος, 1992. – Τ. Ι. – 522 σ.
12. Σεφέρης, Γιώργιος Ποιήματα. – Αθ. : Ίκαρος, 1992. – 373 σ.

References

1. Savenko, A. O. (2012) «Orestes solstice»: notes on the interpretation of the image in the collection «Myth-History» by J. Seferis Linguistic and conceptual pictures of the world. Kyiv : Vydavnychii dim D. Buraho, no.39, pp.251–258.
2. Savenko, A. O. (2017) Ironichnyi pidtekst poezii K.P.Kavafisa: perekladatski stratehii vidtvorennia. Hretska hromada Nizhyna: istoriia ta suchasnist. Materialy mizhnarodnoi naukovoï konferentsii, prysviachenoi 360-tii richnytsi universalu hetmana Bohdana Khmelnytskoho, nadanoho nizhynskym hrekam, 330-tii richnytsi zasnuvannia Nizhynskoho hretskoho bratstva ta 200-tii richnytsi vidkryttia Nizhynskoho hretskoho Oleksandrivskoho uchylyshcha [The ironic subtext of C.P. Cavafy poetry: translation strategies of reproduction. Greek community of Nizhyn: history and modernity. Materials of the international scientific conference devoted to the 360th anniversary of Hetman Bohdan Khmelnytsky universalist given to the Nizhyn Greeks, the 330th anniversary of the establishment of the Nizhyn Greek Brotherhood and the 200th anniversary of the opening of the Nizhyn Greek Alexandrovsky Schoo]. Nizhyn : Vydavets PP Lysenko M.M, pp. 178–187.
3. Sedakova, O. A. Poeziya i antropologiya [Poetry and Anthropology]. [Electronic resource]. Available at: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/159>
4. Holton, David (1989) Cavafy and the Art of Self-Deception. *Modern Greek Studies Yearbook*, University of Minnesota, vol.5, pp. 143–162.
5. Papanikolau, Dimitris (2005) Words that tell and hide: Revisiting C. P. Cavafy's Closets. *Journal of Modern Greek Studies*, Vol. 23, pp 235–260.
6. Wildman Wade (2009), Elizabeth Beyond Biography: Cavafy's Homoeroticism in Translation. C. P. Cavafy: The Typography of Desire. Final Papers from Professor Karen Van Dyck's course on Cavafy at Columbia University. Cavafy Forum, Window to Greek Culture : University of Michigan Department of Modern Greek. June, pp. 24–37.
7. Vagenás, Násos (1979) O poiitis ki o choreftis. Mia exetasi tis poiitikis kai tis poiisis tou Seferi. Athens : Kédros
8. Vagenás, Násos (1999) I eironiki glóssa. Eisagogi stin poiisi tou Kavafi. Irakleio, pp.347–358.
9. Kaváfis, K. (1990) Ápanta poiitika. Athens : Ypsilon/ Vivlia.
10. Saregiánnis, I. A. O Kaváfis ánthropos tou plithous. [Electronic source]. Available at: <http://cavafis.compupress.gr/sare.htm>
11. Seféris, (1992) Giórgios Dokimés. Athens: Íkaros., vol. I.
12. Seféris, (1992) Giórgios Poiímata. Athens : Íkaros.